

⁵⁰ *Judith*, 13, 55, 125.

⁵¹ Genam ða þone hæðenan mannan
Fæste be feaxe sinum; teah hyne folmum wið hyre weard
bysmerlice, ond þone bealofullan
listum alede, laðne mannan,
swa heo ðæs unlædan eaðost mihte
wel gewealdan.
(*Judith*, 98-103).

⁵² *Chance J. Woman as Hero in Old English Literature.* Syracuse, 1986. P. 104.

⁵³ См.: *Болдырева И. И. Женщина в англосаксонской агиографии и церковная реформа в Англии второй половины X в.* // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 5–14.

⁵⁴ Þearle ys me nu ða
heorte onhæted ond hige geomor,
swyðe mid sorgum gedrefed.

... Geunne me minra gesynta,
þearlmod þeoden gumena: naht(e) ic þinre næfre
miltse þon maran þearf(e).
(*Judith*, 86–92).

⁵⁵ *Wulfstan. The Sermon of the Wolf...* // English historical documents. Vol. 1. P. 857–858.

⁵⁶ См., напр.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, aa. 835, 865, 980 etc. Также см.: *Schulenburg J. T. Forgetful of their Sex: Female Sanctity and Society*, ca. 500–1100. Chicago, 1998. P. 143–144.

⁵⁷ *Schulenburg J. T. Op. cit.* P. 144.

⁵⁸ См. подробнее: *Болдырева И. И. Указ соч.* С. 11–12 ; *Gopa R. Virgin Acts Manfully: Ælfric's Life of St. Eugenia and the Latin Versions* // Leeds Studies in English. 1992. Vol. 23. P. 1–27.

⁵⁹ Например, созданный Кюневульфом образ царицы Елены: *Cynewulf's Elene* / ed. P. Gradon. Exeter, 1996.

УДК 94 (437) [10/17]

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЧЕХИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается место средневековых городов Чехии в истории европейского урбанизма, выявляются общие черты и особенности их развития в сравнении с городами Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: средневековый город, Чехия, Западная Европа, Древняя Русь.

The Medieval Towns of Bohemia: in European Context

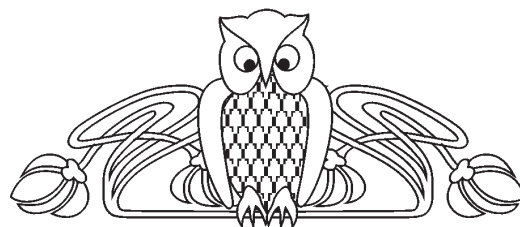
A. N. Galyamichev

The author of this article examine place of medieval towns of Bohemia in history of European urbanism, discover common lines and especially his development comparatively with development towns of Western and East Europe

Key words: town in Middle Ages, Bohemia, Western Europe, Rus.

Чехия располагается в географическом сердце Европы, и этим во многом было предопределено своеобразие её исторической судьбы. Обращаясь к истолкованию смысла чешской истории, учёные и мыслители разных времён вновь и вновь искали его в роли связующего звена между Западом и Востоком Европы². С выполнением этой культурно-исторической миссии были связаны маятникообразные колебания общественного строя и внешнеполитических приоритетов Чехии между Западом и Востоком.

В судьбах средневекового чешского города эта нелинейная динамика исторического развития страны прослеживается, на наш взгляд, особенно

отчётливо. Между тем со второй половины XIX в. в исторической литературе прочно укоренились представления о единственности урбанистического развития средневековой Чехии и стран Западной Европы. При этом основополагающим критерием при определении города служит наличие или отсутствие у поселения правового статуса города, основанного на городском праве. Всё развитие, предшествовавшее появлению правового статуса города, в духе западноевропейской правовой традиции относится к стадии формирования предпосылок возникновения городов³.

В Древней Руси и Русском государстве, в жизни которых городским центрам принадлежала более чем значительная роль, особое городское право, подобное западноевропейскому, так и не сложилось. Нельзя при этом не обратить внимание и на тот факт, что вплоть до рубежа XII и XIII в. общественный и государственный строй Руси и западных славян был отмечен высокой степенью внутреннего родства.

Представляется поэтому правомерным взглянуть на развитие средневековых городов Чехии в общеевропейском контексте, включая в поле зрения не только Запад, но и Восток. Такого рода сравнительно-исторический взгляд даёт, как нам представляется, основания выделить на историческом пути средневековых городов Чехии три этапа, для каждого из которых были характерны особенности взаимодействия западных и восточных начал.

Хронологические рамки первого из них можно определить следующим образом: IX – середина XII в.

Исходный хронологический рубеж определяется временем становления Великоморавской державы, в социально-политической структуре которой ключевое место принадлежало городским центрам.

Венгерское нашествие рубежа IX–X вв. оставило и даже в известной степени обратило вспять урбанистическое развитие, прежде всего в землях Моравии, города которой были в своём большинстве буквально сметены с лица земли.

Однако в уцелевшей в годину венгерского нашествия Чехии, прежде окраинной области Великоморавской державы, урбанистическое развитие последней обрело непосредственное продолжение в соответствии с его главным вектором.

Города Великой Моравии и Древнечешского государства представляли собой полифункциональные – военные, политические, религиозные, экономические центры, являлись точками концентрации социальных верхов.

Хотя Чехия со времён правления Св. Вацлава прочно интегрировалась в западноевропейскую культурную общность, основу которой составляло западное христианство, пути социально-экономического и политического развития стран Запада и чешских земель в X–XII вв. существенно различались.

Ближайшие аналогии общественного и государственного строя Чехии названного времени обнаруживает развитие соседних с ней стран Центральной Европы – Польши и Венгрии. В исследованиях последних десятилетий подробно изучена сложившаяся в названных странах самобытная модель средневековой государственности. Само её название – система градской организации – указывает на ключевое место городов в рамках этой системы⁴.

Вся территория государств Центральной Европы была разделена на округа, центром каждого из которых был град – укрепленная резиденция князя (короля), его наместника и дружины. Из пределов града осуществлялось управление округом, на нём творился суд, в его пределах находился храм – главная святыня округа.

Наместник и дружинники не имели земельных владений. Источником их существования являлся труд жителей прилегающего к граду округа, присваиваемый в форме налогов.

Степень материального достатка и общественного престижа определялись исключительно местом дружинника в системе государственного управления.

Такой тип организации общества и государства не характерен для средневекового Запада, в наиболее развитых регионах которого уже к середине IX в. сложилось крупное феодальное землевладение. Но он очень близок к общественному строю Древнерусского государства – «страны городов» на Востоке Европы.

Ближайшие аналогии в восточнославянском регионе находит такой важный элемент системы

градской организации, как служебная организация⁵. Последняя складывалась, с одной стороны, из сети сельских поселений, жители которых были обязаны несением в пользу града различных служб (охотничьих, сторожевых и т. п.), либо изготовлением тех или иных ремесленных изделий. С другой стороны, служебную организацию составляли поселения служилых людей и ремесленников, расположенные в непосредственной близости от градов, по чешской терминологии – подградья⁶.

Чешские грады и подградья находят близкие аналогии в русских кремлях и посадах, составляя две неразрывно связанные друг с другом части единого организма средневекового славянского города.

Особое место на пути исторического развития средневековой Чехии занимает XII столетие, которое было временем динамичного обновления общества и государства.

С начала века развернулась интенсивная внутренняя колонизация чешских земель⁷, а с его середины развернулся стремительный по меркам средневековья процесс разложения системы градской организации, сопровождавшийся переходом военно-служилой знати от коллективных форм быта к индивидуальным.

Середина XII в. видится важным рубежом в истории средневековых городов Чехии, который знаменует собой начало нового периода в их развитии.

Разложение системы градской организации было неразрывно связано со складыванием в Чехии частновладельческого поместья, происходившего в форме раздела между дружинниками земель градского округа, их отъезда с градов в пределы собственных владений, ставшие местом их постоянного пребывания⁸.

Казалось бы, процесс разложения системы градской организации должен был поставить под вопрос само существование чешских городов, трудящееся население которых было занято обслуживанием потребностей постоянно находившейся в градах дружины.

Однако исторические источники не дают основания для вывода об упадке и обезлюдении чешских подградий во второй половине XII в. Напротив, есть основания говорить об их демографическом и территориальном росте, притоке в изначальные очаги чешской государственности новопоселенцев⁹.

Секрет этого явления состоит в том, что к середине XII в. чешские подградья превратились в экономически самодостаточные торгово-ремесленные поселения. С самого начала население подградий использовало любую возможность для производства продуктов на рынок, стихийно возникавший, как правило, именно возле областного града, как центра местной дорожной сети и скопления оторванных от мест постоянного проживания людей.

К середине XII в. рынок продовольственных товаров стал настолько ёмким и стабильным, что обеспечил существование и развитие в подградьях

свободного, ориентированного на рыночный обмен ремесла.

Древнейшие города Чехии, сохранив часть административных и религиозных функций, превратились, таким образом, прежде всего в центры товарного производства и обращения, ремесла и торговли.

Обновление чешского общества в XII в. происходило под значительным влиянием западноевропейских образцов. Одним из главных носителей этого влияния были монастыри, насельниками которых (особенно вновь основывавшихся) были по преимуществу иноземные монахи¹⁰. Важную роль играли также тесные контакты чешского двора и военно-служилой знати с имперским двором и немецким рыцарством, особенно на имперских сеймах и во время военных походов императоров.

Но это влияние до начала XIII в. оставалось косвенным, и потому переживавшее период глубокого обновления чешское общество сохраняло высокую степень самобытности.

С рубежа XIII столетия положение дел принципиально изменилось. Масштаб и природа этих изменений были таковы, что дают основание для вывода о начале нового, третьего, этапа в развитии средневековых городов Чехии.

Начавшаяся немецкая колонизация принесла в Чехию поток колонистов – живых носителей немецких традиций и политико-правовых институтов, сохранение которых являлось одним из важнейших условий, согласно которым происходило обустройство общин немецких колонистов в чешских землях. Степень влияния западноевропейских форм общественного и государственного устройства в силу этого значительно возросла.

Темпы немецкой колонизации (в особенности городской) ускорились после монголо-татарского нашествия 1241–1242 гг., заставившего правителей Чехии и других стран Центральной Европы ещё более настойчиво и целеустремлённо, чем прежде, приглашать немецких колонистов в надежде на их помощь в деле восстановления разрушенных городов и разорённых областей.

Своей кульминации немецкая колонизация в Чехии достигла в годы правления Пржемысла Оттокара II (1253–1278), оставшегося в исторической памяти чешского народа в роли главного благодетеля и покровителя немецких колонистов¹¹.

Важнейшим последствием немецкой колонизации стало утверждение в Чехии новой хозяйственно-культурной и политико-правовой модели городской жизни, типологически родственной городскому строю стран Западной Европы. Её основой стало особое городское право, принципы которого сложились на Западе в ходе борьбы городских общин с феодальными сеньорами. Городское право явилось основой обособления и самоопределения городского сословия и обретение городскими общинами большей или меньшей степени самоуправления¹².

При этом своеобразие чешских условий не могло не сказать своего слова, городской строй

Чехии не стал простым повторением городского строя немецких земель: права и свободы чешских городов зачастую выходили за рамки предписаний городских хартий в самой Германии, поскольку они предоставлялись королями, заинтересованными в притоке новых и новых волн немецких колонистов и, в отличие от западноевропейских сеньоров, не должны были при этом как-либо ограничивать свои прежние доходы и привилегии¹³.

Наиболее ярким примером этого рода является правовой строй горных городов, возникших в связи с бурным ростом добычи серебра. В XIII в. Чехия превратилась в крупнейший в Европе район серебряной добычи, которая сделала чешских королей самыми богатыми правителями Европы, о доходах которых слагались легенды¹⁴.

Именно Чехия считается родиной особого горного права средневековой Европы, которое впервые было записано на рубеже 40-х и 50-х гг. XIII в. в чешском городе Йиглаве, с этого времени и вплоть до XVI в. являвшегося высшей судебной инстанцией для горных городов всех стран Центральной Европы¹⁵.

Основы горного права сложились, по всей видимости, в горнодобывающих районах Германии ещё в XII в., однако там они существовали исключительно в устном предании, поскольку местные князья и феодалы с самого начала стремились держать под своим непосредственным контролем горные разработки и доходы от них и потому не были склонны к письменной фиксации прав и свобод горных предпринимателей и рудокопов.

Отмечая черты своеобразия чешского урбанизма, важно отметить, что положение городского сословия в Чехии существенно отличалось от положения и политической роли третьего сословия в странах Западной Европы.

Если на европейском Западе консолидация городского сословия происходила спустя длительное время после оформления первых двух сословий, то в Чехии, наоборот, городское сословие оформилось раньше других¹⁶. При этом оно внутренне консолидировалось мощными силовыми линиями этнического (немецкого) самосознания, а, кроме того, в лице городских патрициев – горных предпринимателей располагало очень крупными материальными, в первую очередь – денежными ресурсами.

Эти обстоятельства позволили представителям немецкого патрициата городов средневековой Чехии поставить в XIII в. вопрос о приобретении ведущих позиций в системе управления страной.

Первая попытка такого рода была предпринята в так называемые «злые годы», наступившие после гибели короля Пржемысла Оттокара в битве на Моравском Поле, в годы регентства курфюрста Оттона Бранденбургского.

Перенесённые в эти годы неисчислимые бедствия способствовали осознанию немецким патрициатом городов Чехии ценности самостоятельной чешской государственности как гарантии их прав и

привилегий и необходимости компромисса с представителями чешской аристократии.

Наглядным выражением этого стало присутствие представителей городского патрициата на земском сейме 1281 г., на котором обсуждались насущные проблемы восстановления мира и порядка в стране после «злых лет». С этим событием принято связывать начало сословного представительства в средневековой Чехии¹⁷.

Наследием эпохи немецкой колонизации стала уникальная для стран средневековой Европы этническая дихотомия населения городов Чехии в XIV – начале XV в., когда тесное переплетение межэтнических и социальных противоречий привело к взрыву огромной разрушительной силы – гуситскому движению, «городские корни» которого требуют дальнейшего осмысления¹⁸.

В ходе Гуситских войн, несмотря на чехизацию многих крупных городов Чехии, типологически родственная западноевропейской хозяйственно-культурная и политико-правовая модель городского строя выдержала испытание на прочность, однако духовная жизнь гуситских городов, прервавших связи с Римской церковью, обрела высокую степень самобытности.

Кроме того, значительно усилившее в годы Гуситских войн свои позиции чешское городское сословие отличалось от западноевропейского третьего сословия тем, что стало не прочной опорой укрепления королевской власти, а являлось, как нам представляется, скорее, носителем идеи сословной республики, близкой по духу к шляхетской Речи Посполитой.

Таким образом, несмотря на возобладание к концу Средних веков в Чехии западноевропейских по происхождению и духу политико-правовых форм урбанистического развития, последнее продолжало сохранять элементы самобытности, наполнявшие заимствованные формы новым содержанием и оказывавшие большое влияние как на внутреннюю жизнь городов, так и на развитие страны в целом.

Без учёта сложного взаимодействия западноевропейских и самобытных славянских начал, происходившего на всём протяжении чешской истории, невозможно объективное освещение истории средневекового урбанизма в Чехии как на уровне теоретических обобщений, так и на уровне конкретных исследований.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного 5 ноября 2013 г. на Втором Всероссийском совещании славистов в Институте славяноведения РАН.
- ² См.: Spor o smysl českých dějin. 1895–1938. Praha, 1995.
- ³ В таком ключе история средневековых городов Чехии рассматривается как в работах наиболее авторитетных западных исследователей (см.: Ludat H. Vorstufen und Entstehung des Stadtwesens in Osteuropa. Zur Frage der

vorkolonialen Wirtschaftszentren im slawisch-baltischen Raum. Köln; Braunsfeld, 1955), так и в трудах чешских историков последних десятилетий (см.: Kejř J. Nad počátky našich měst // Československý časopis historický. 1976. Roč. 24. S. 377–401; Hoffmann F. České město ve středověku. Praha, 1992; Idem. Středověká města v Čechách a na Moravě. Praha, 2009).

- ⁴ Подробное рассмотрение системы градской организации см.: Тржешттик Д. Средневековая модель государства периода раннего феодализма // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 124–133.
- ⁵ См.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
- ⁶ В письменных (латиноязычных источниках) – suburbia (ед.ч. suburbium).
- ⁷ По подсчётам видного чешского исследователя Й. Жемлички, в течение XII в. площадь обрабатываемых земель в Чехии удвоилась. См.: Žemlička J. K charakteristice středověké kolonizace v Čechách // Československý časopis historický. 1978. Roč. 26. S. 53–81.
- ⁸ См.: Nový R. Přemyslovský stat v 11. a 12. století. Praha, 1972. S. 87–136.
- ⁹ Этот процесс прослеживается на основании данных археологических исследований. См.: Richter M. Archeologický výzkum měst 13. století // Města v českých zemích v období feudalismu. Praha, 1979. S. 9–14.
- ¹⁰ См.: Флоря Б. Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII – начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 189.
- ¹¹ См. одно из последних специальных исследований: Žemlička J. K zájmu Přemysla Otakara II o města // Středověké mesto ako miest stremnuti a komunikácie. Bratislava, 2010. S. 29–34.
- ¹² См.: Kejř J. Městské zřízení v českém state ve 13. století // Československý časopis historický. 1979. Roč. 27. S. 226–252.
- ¹³ Выдающийся знаток истории средневековых городов Чехии В. Войтишек полагал, что сложившееся в XIV в. Пражское городское право впитало в себя вместе с притоком чехов в города живительную силу творческой силы чешского народа и потому может считаться предметом национальной гордости чехов (Vojtišek V. O vzniku Pražského města (K 700 výročí jeho založení). Praha, 1930. S. 19).
- ¹⁴ См.: Janaček J. Stříbro a ekonomika českých zemi ve 13. století // Československý časopis historický. 1972. Roč. 20. S. 876.
- ¹⁵ См.: Hoffmann F. Jihlavské právo. Havlíčkův Brod, 1959.
- ¹⁶ См.: Třeštík D. Proměny české společnosti ve 13. století // Folia historica Bohemica. Praha, 1979. Sv. 1. S. 152.
- ¹⁷ См.: Пушкарёв С. Г. Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках // Историкографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 136–137.
- ¹⁸ См.: Мельников Г. П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 77–113.